

DOI: 10.31857/S032103910002917-1

РАБОТА НАД «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИЕЙ» В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПОИСКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

С. Г. Карпюк¹, С. Б. Крих²

¹ *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Омский государственный университет, Омск, Россия*

¹ *E-mail: oxlos@yandex.ru* ² *E-mail: krikh@rambler.ru*

Исследование посвящено процессу создания томов по древней истории в академической «Всемирной истории» в предвоенный период. Несмотря на многочисленные усилия за четыре предвоенных года, указанные тома так и не увидели свет. Авторы пытаются определить основные факторы, приведшие к этому. В данной статье они дают общий обзор положения советской исторической науки и сообщества историков древности в предвоенный период и сосредоточивают свое внимание на проблемах управления процессом написания и редактуре «древних» томов. Авторы полагают, что основные сложности лежали в расхождении интересов наиболее значимых историков того времени, контролировавших процесс написания рукописей для издания: В.В. Струве тормозил процесс написания тома по древневосточной истории, А.И. Тюменев вообще отказался работать над томами по истории Древней Греции. Естественная в условиях того времени потребность в централизации привела к созданию «единой команды» А.В. Мишулина, А.Б. Рановича и С.А. Жебелёва: управленческие функции были сосредоточены в Москве, а контроль за научным редактированием томов по древности был передан всеми уважаемому ленинградскому академику.

Ключевые слова: древняя история, историография советская, Институт истории АН СССР, «Всемирная история»

WORK ON THE WORLD HISTORY BEFORE WORLD WAR II: SEARCHING FOR A MANAGEMENT MODEL

Sergey G. Karpyuk¹, Sergey B. Krikh²

¹ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

² *Omsk State University, Omsk, Russia*

¹ *E-mail: oxlos@yandex.ru* ² *E-mail: krikh@rambler.ru*

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project No. 18-18-00367;
Grant Council of the President of the Russian Federation, project No. МД-223.2017.6

Данные об авторах. Сергей Георгиевич Карпюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ; Сергей Борисович Крих — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ОмГУ.

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.» (С.Г. Карпюк) и гранта Президента РФ № МД-223.2017.6 (С.Б. Крих).

The article is devoted to the process of preparing the ancient history volumes of *The World History* under the *aegis* of the Soviet Academy before World War II. Despite considerable efforts that were made in 1937–1941, the planned volumes were never released. The authors attempt to identify the main factors that played a role in this. In this paper they provide a general survey of the Soviet historical science and community of ancient historians in the prewar period and focus on the problems of managing the process of writing and proofreading of the “ancient” volumes. The authors suggest that the basic problem was in the divergence of interests between the most significant historians who controlled the process of creating manuscripts for publication. Vasilii Struve just slowed down the preparation of the volume on the Ancient Orient, but Alexander Tyumenev refused to work on volumes on the history of Ancient Greece. The only way out was centralization which led to creation of the ‘united command’, which included A.V. Mishulin, A.B. Ranovich and S.A. Zhebelyov. Moscow became the management centre, but S.A. Zhebelyov, a greatly respected member of the Academy from Leningrad, took control over the editorial process.

Keywords: ancient history, Soviet historiography, Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, *The World History*

Все мы должны приложить усилия
к тому, чтобы создать труд, достойный
Сталинской эпохи.
В.С. Сергеев, Н.А. Машкин

Вводные замечания и методика исследования

Вопреки распространенному, но являющемуся исключительно продуктом мифологизации представлению советская историческая наука никогда не была цельным монолитом ни с точки зрения концепций и теорий, ни с точки зрения организационных особенностей. Безусловно, нередко она стремилась производить такое впечатление как на сторонних наблюдателей, так и на членов ученого сообщества, однако между желанием и действительностью, как и между действием и результатом, всегда существовал характерный зазор.

В различные периоды существования советской историографии разнилось и содержание этого расхождения между установкой и реальностью. В ранний период, до непосредственного сталинского вмешательства, желаемой была пролетаризация науки, действительностью — сосуществование элементов дореволюционных научных структур с хаотическими попытками создания новых направлений. В течение 1930-х годов это разнообразие, которое сейчас иногда трактуется как потенциально плодотворный вариант развития советской науки, оказалось резко сведено к минимуму: были отобраны те идеи, которые должны быть обязательными, и, после ряда экспериментов, учреждены те организации, которые должны быть за них ответственными. Так, собственно, и возник научный «мейнстрим» в советской историографии.

Однако и этот процесс не привел к полной унификации советской науки. Во-первых, годы становления «единственно верных» трактовок отличались яростной борьбой за них, а затишье после этого потрясения было недолгим и неполным (пожалуй, оно было несколько продлено из-за вой-

ны, которая, видимо, частично замедлила и процесс смены поколений в науке¹). Во-вторых, уже в послевоенное время проявляются механизмы самозащиты ученого сообщества, которое подверглось жестокому стрессу в довоенный период и было вновь вынуждено находить способы самосохранения в ходе идеологических кампаний позднего сталинизма. В общем и целом эти процессы привели к формированию «центра» и «периферии» в исторической науке СССР: на «центральных» позициях оставались те ученые, которые обладали надежным авторитетом и могли претендовать на адекватное выражение общих установок марксистско-ленинской теории (в ее очередной официальной версии) в своих трудах; на «периферию» (разной степени отдаленности, в том числе и географической) попадали те историки, которые по той или иной причине «допустили ошибки» в своей научной деятельности. Будучи само по себе следствием упомянутой борьбы за место под властным солнцем, такого рода разделение все-таки позволяло ряду «проигравших» теперь отправляться не в лагеря, а в провинциальные центры, и в этом смысле сформировало «новую нормальность» советского научного ландшафта².

В нашем исследовании мы постарались показать, как шел процесс складывания «правильных» положений в науке о древности на важнейшем, если не центральном примере — попытках создания советской «Всемирной истории». Проект этот, как известно, в итоге увенчался успехом, но при этом вначале пережил весьма показательную неудачу. Безусловно, здесь сыграл роль целый ряд факторов, однако их последовательный анализ, на наш взгляд, способен показать за конкретикой — общую тенденцию, вскрыть глубинные особенности становления советского взгляда на древнюю историю, как и особенности функционирования сообщества историков в предвоенный период — пока недостаточно изученный, но во многом ключевой для советской исторической науки.

В нашей работе мы опирались на две основные группы источников: изданные труды (прежде всего три тома «Всемирной истории», вышедшие в 1930-е годы под эгидой ГАИМК) и архивные документы, которые проливают свет на подготовку к созданию монументальной «Всемирной истории». Это издание так и не дошло до типографии, наши поиски материалов неизданных довоенных томов, которые курировала уже АН СССР, увенчались лишь неполным успехом: удалось обнаружить только часть глав тома, посвященного древневосточной истории. Тем не менее даже доступный нам материал столь разнообразен и обширен, что мы решили отказаться от последовательного изложения событий, которое потребовало бы очень большого объема для обеспечения связности повествования, вместо этого выделив ряд ключевых вопросов, по каждому из которых будет дан связный очерк и краткий анализ. Такой подход позволит читателю проследить основные тенденции развития советской науки о древности в указанный период.

¹ Krikh 2016.

² Более подробно см. Krikh 2017.

Государственный интерес и общее состояние исторической науки во второй половине 1930-х годов

Молодое советское государство было готово творить историю, а не изучать ее. Воспринимая «новый мир» как полноценную эпоху, носители большевистской идеи смотрели на прошедшие тысячелетия цивилизации лишь как на пролог к настоящей истории, которая уже началась и обретет полную силу после осуществления мировой революции. Несмотря на то что планы ее осуществления довольно скоро были осознаны как утопические, сама логика упразднения ненужных знаний («факультетов ненужных вещей») превалировала на протяжении практически всего первого советского десятилетия. В школах нередко не учили никакой истории до Великой Французской революции, а системное изложение событий начиналось и вовсе с Парижской коммуны.

Возвращение истории в преподавание, бывшее одним из следствий окончательной победы Сталина над своими внутривластными конкурентами, было поэтому воспринято в научных кругах положительно. Вместо бухаринской линии на «вымирание» буржуазных академиков-гуманитариев при сосуществовании новой и старой науки был взят курс на создание единой советской науки, в которой старые ученые, если они были готовы соответствовать требованиям государства, также занимали свое место. Для многих из них это означало, кстати, окончание периода финансовой неопределенности — восстанавливались ученые степени и звания с соответствующими окладами в научных и учебных учреждениях. Обновленная Академия наук теперь по сути поглотила и Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), созданную на заре советского государства в качестве марксистской альтернативы буржуазной науке: в 1937 г., после очередного преобразования, функции ГАИМК перешли к АН СССР, а сама она стала одним из институтов (Институт истории материальной культуры, ИИМК).

Как следствие, требовалось предъявить положительный результат этих преобразований, и в сфере исторической науки это следовало сделать не в виде статей или общих работ с изложением схемы всемирной истории: «социологизация истории», схематическое изложение событий, невнимание к историческим фактам были заклеены на самом высоком уровне, и теперь марксистско-сталинскому скелету истории следовало обрести мускулами позитивистской фактологии.

Тем самым, создание советской «Всемирной истории» в качестве глобального отчета о достижениях исторической науки к четверти столетия существования советской власти было вполне очевидным шагом: во Франции, Германии и Великобритании уже вышли подобные труды, и академическое начальство прекрасно осознавало свои задачи. На заседании Группы истории АН СССР 13 января 1937 г. директор Института истории Н.М. Лукин (1885–1940) указывал:

...Основными работами Института истории должны быть, во-первых, многотомное академическое издание по истории народов СССР и, во-вторых, параллельно этому издание большой всемирной истории. К этим работам мы до сих пор еще не приступали сколько-нибудь вплотную. Поэтому в плане 1937 года, в качестве одного из основных пунктов, стоит разработка плана по истории СССР и разработка плана издания советской вельгтешихте³.

³ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 18. Л. 1.

Уже в ходе работы над проектом, 28 января 1941 г., о значении многотомника говорил и академик В.П. Волгин (1879–1962):

...Все-таки до сих пор в нашей работе над «Всемирной историей» есть целый ряд недочетов, и я бы сказал, что основной дефект этой работы коренится в том, что ее значение не для всех ясно, а может быть некоторые склонны совсем неправильно ее расценивать. Все-таки, товарищи, если вы представите себе будущих читателей лет через тридцать, читателей будущих поколений, то эти читатели будут смотреть на нашу «Всемирную историю» как на итог той работы, которая за 25 лет революции была проделана советскими историками — марксистами-ленинцами — в области всемирной истории, и рассматривая таковой итог, эти будущие товарищи, вероятно, люди очень культурные и очень знающие в области истории, будут пытаться по «Всемирной истории» судить о том уровне, на котором мы в настоящее время находимся⁴.

Итак, монументальный труд должен был показать высокий уровень советской исторической науки как соседям («буржуазным ученым»), так и будущим поколениям. Главное, на что мы хотим указать в этой связи: это была, как говорят теперь, «продаваемая» идея, государство готово было признать эту задачу стоящей существования Института истории, который стал благодаря этому одним из самых многочисленных подразделений АН СССР⁵.

Многотомный исторический проект запустила еще ГАИМК, и в 1936 г. вышли его начальные тома (на разных вариантах обложек стоял и юбилейный 1937 г., хотя в печать они были сданы раньше), но он не удовлетворял никого ни по содержанию, ни по качеству издания. О содержании мы скажем отдельно, что же касается полиграфии, то она была очень непритязательной: издание было *in octavo*, на желтой бумаге, с минимумом довольно скромных по исполнению иллюстраций. Кроме того, эти книги не проходили процедуры обсуждения и нельзя было утверждать, что они полностью соответствовали «генеральной линии», а прошедшая незадолго до этого чистка руководства ГАИМК — аресты А.Г. Пригожина (1896–1937), М.М. Цвибака (1889–1937), С.Н. Быковского (1896–1936) — бросали тень подозрения во «вредительстве» и на научную деятельность института. По всем этим причинам проект ГАИМК был свернут.

Новый проект должен был избежать прежних ошибок. Подготовка «Всемирной истории» (как и «Истории СССР») входила в государственный план, а АН СССР должна была отчитываться об этапах подготовки этого издания перед Совнаркомом. Очевидно, что проект должен был носить коллективный характер, объединив сотрудников института вокруг него. Древней истории, по начальному плану, посвящались тома со I по VI⁶, в протоколах заседаний постоянно фигурируют обсуждения степени готовности II, III и IV томов, из которых до стадии цельного текста был доведен, видимо, только т. II. В научной печати начались и обсуждения рукописей,

⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1941). Д. 2. Л. 105–106.

⁵ См., например, записку в Президиум АН СССР от 7 июня 1940 г. с просьбой увеличить штат института для написания «Истории СССР» и «Всемирной истории» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 44. Л. 28–29).

⁶ Т. I — история первобытного общества (историю его создания мы не рассматриваем), т. II — Древний Восток, т. III — Древняя Греция, т. IV — эллинизм, т. V и VI — республиканский и императорский Рим.

подготовленных для издания. В отчете Института истории АН СССР за третий квартал 1938 г. Б.Д. Греков отмечал, что работа должна быть закончена:

по древней истории — часть Всемирной Истории: 1-й том — древнейшее общество — к сентябрю 1939 г., и древний Восток — к сентябрю 1939 г. На 1940 г. — 3-й том — древняя Греция и 4-й, 5-й, 6-й тома — в 1940 г.⁷

Тем не менее за четыре с лишним года, которые прошли до начала войны, не было издано ничего. Уже во время войны, в эвакуации в Ташкенте возникла идея напечатать два первых тома, но и она не была реализована⁸. Для советского времени, с его гонкой за быстрым выполнением поставленных задач, это если и не признак провала проекта, то указание на явные проблемы с его осуществлением. Каковы же были особенности работы над изданием и можно ли говорить о том, что его подготовка была прервана войной или же она зашла в тупик по объективным причинам?

Организационные и финансовые вопросы

Судя по всему, первоначальные планы руководства Академии наук заключались именно в том, чтобы вся 30-томная «Всемирная история» была готова к 1942 г. Очевидно, что история древнего мира являлась не самой главной частью плана, но тем не менее без первых томов проект считаться состоявшимся не мог, и в 1939 г. часть томов по древности планировалось сдать в печать уже в следующем, 1940-м году⁹.

Были организованы коллективы по написанию каждого тома с руководителем и группа, которая курировала древнюю историю в целом. Основными действующими лицами были В.В. Струве (курировал Древний Восток) и А.И. Тюменев (Греция и эллинизм, Рим), позднее были привлечены В.С. Сергеев и С.А. Жебелёв. Начальные реляции были вполне оптимистичными, проблема заключалась лишь в том, что готовые тексты томов все не появлялись, и это повлекло целую цепь совещаний, на которых постепенно вскрылся ряд проблем.

Прежде всего это был недостаток авторов, которые могли предоставить необходимые материалы. На обсуждении производственного плана Института истории АН СССР на 1937 г. (состоялось 13 января 1937 г.) В.П. Волгин выражал озабоченность положением дел именно в секторе древней истории:

Признаться, как работник Сектора Новой истории, я тоже имел склонность жаловаться на недостаточные кадры по Сектору Новой истории. Однако, если посмотреть на Сектор Древней истории и истории средних веков, то тут можно придти в отчаяние. Конечно, надо преодолеть это отчаяние и найти выход из положения... [...] Относительно неплохо представлен Восток. В.В. Струве сбил по линии этой значительный кулак, — опять-таки о качестве работников я судить не берусь. По Греции же мы имеем три темы, относящиеся к возникновению греческой истории, к началу, но по всей остальной греческой истории имеем только «Письма Платона». Как это ни было интересно само по себе, этого явным образом недостаточно. Еще хуже обстоит дело по Риму. «Кризис 3-го века» — одна скромная тема.

⁷ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26. Л. 6.

⁸ Klyuev, Metel' 2018, 39. Письмо Б.Д. Грекова А.Б. Рановичу от 14 февраля 1942 г.

⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 8. Л. 31.

Совершенно ясно, что бросается здесь в глаза несоответствие между этими кадрами и силами и теми задачами, которые ставит перед собой Институт Истории¹⁰.

Постоянная неготовность поставила вопрос о реалистичности установленных сроков: 10 ноября 1937 г. А.М. Деборин зафиксировал отставание от плана по году, поделился с участниками очередного заседания своими сомнениями и сделал радикальное предложение:

...я исхожу из того соображения, что «Всемирная История» в 30 томов, как в плане обозначено и как было принято в Группе, но мы здесь также должны были пойти по пути значительного сокращения, потому что я высчитал, что это в лучшем случае рассчитано на три пятилетки, а в худшем случае, на четыре или пять пятилеток. Не знаю, насколько это целесообразно. Почему нам сейчас же начинать с такого большого издания? Почему нельзя было бы сократить это издание до 15 томов, с тем, чтобы в III пятилетке [издать] не полную развернутую всеобщую историю, а всеобщую историю все же довольно приличную и солидную в 15 томов? Я думаю, что это более целесообразно. А то мы размахиваемся и берем большие масштабы, а потому выходит так, что эти масштабы нас душат и ничего реального не получаем¹¹.

Против этого высказывания осторожно выступил Струве, который отметил:

...сократить «Всеобщую историю» до 15 томов будет очень трудно, исходя из того опыта, который я имею, как председатель Сектора Древней истории. Как указывали мне товарищи, и то количество тем, которое дается, является слишком небольшим. Так что мне пришлось с большим трудом довести это дело до минимума, который предусматривался первоначальной установкой в 30 томов. Так что, приветствуя это сокращение, думаю, что придется действительно продумать вопрос о том, что 15 томов слишком мало¹².

В итоге академиком Волгиным было внесено предложение издать наряду с кратким курсом истории СССР также краткий курс всеобщей истории в 5–6 томов, из которых два следовало отдать древней истории. Эту работу также получили выполнить сектору древней истории в течение 1938–1939 гг. наряду с работой по созданию «Всемирной истории»¹³. Иными словами, Струве добился того, что объем работы уменьшен не был, а для создания краткого варианта истории ему разрешили максимально сократить план по монографиям: вместо большого количества разных работ сектор должен был делать теперь две одинаковых. Забегая вперед, скажем, что и краткий курс всеобщей истории создан не был.

Уже к концу 1937 г. остро проявился вопрос финансирования; без оплаты привлеченным специалистам подготовить столь объемное издание было невозможно, о чем свидетельствует стенограмма заседания Совета Отделения общественных наук АН СССР от 10 ноября 1937 г.:

Лебедев. Я хотел бы сказать относительно финансовых мероприятий по Институту истории. По I, IV и V томам нам без договорников не обойтись... Наш финансовый план, видимо, печален.

¹⁰ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 18. Л. 13.

¹¹ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 13. Л. 5–6.

¹² АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 13. Л. 8.

¹³ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 13. Л. 10, 11, 20.

Деборин. Почему печален? Я никак не могу понять. Если мы говорим, что надо максимально сократить монографии, максимально сократить издание памятников, сосредоточить основное внимание на двух изданиях, так что же вы просите по 15-й статье? Куда идут те деньги, предназначенные на научно-исследовательскую работу?

Акад. Греков. Мы говорим только о договорных работах, которые нечем оплатить. Брать на себя оплату договорников мы не можем. 15-я статья такая мизерная, что этого сделать нельзя¹⁴.

10 октября 1938 г. на заседании Совета Отделения общественных наук обсуждаются вопросы увеличения штатов и финансирования¹⁵. Работа над томами «Всемирной истории» переходит в практическую плоскость: штаты института увеличиваются, появляются деньги на оплату договорных работ.

Слушали: Сообщение тов. Шидловского (Фин. отдел АН СССР) о штатах и сметах институтов Отделения общественных наук АН СССР на 39 г.

Постановили: Признать необходимым принятие на государственный бюджет полностью всех расходов, связанных с подготовкой научных трудов к печати, в том числе и оплату авторского гонорара и рецензирования.

...Подтвердить решение Отделения общественных наук об авторском гонораре.

...Признать необходимым следующее увеличение штатов по Институтам Отделения общественных наук: по Институту истории на 26 ед. с 178 до 204¹⁶.

В сообщении Шидловского по вопросу штатов и смет Институтот Отделения общественных наук¹⁷ поднимается крайне болезненный «вопрос о расходах, связанных с подготовкой трудов к печати»¹⁸:

...Институты буквально болеют на почве того, что совершенно не урегулирован этот вопрос. Финансировать издательскую работу институтов на сегодняшний день мы не можем в полном объеме. У нас просто на это нет средств. Я назову общую цифру по Академии Наук. Академии Наук на подготовку к печати трудов отпущено по госбюджету на 1938 г. 800.000. Президиум под свою ответственность отпустил институтам 1.650.000, учитывая необходимость оплаты гонорара по некоторым трудам... Через одно издательство Академии Наук в 1938 г. наши институты должны будут сдать 8.000 листов. Если взять 1.650.000, то получится 200 рублей расходов на лист, включая и гонорар, и подготовку к печати. Очень несурзная цифра, в какую ни один институт уложиться не может... Наша идея сводится вот к чему. Наркомфин имеет возможность, если у издательства Академии Наук окажется прибыль, раздеть (sic!) его¹⁹.

Отдельной темой были конфликты между ответственными за подготовку томов (см. ниже), и это тоже добавляло проблем по реализации проекта. Индивидуальные конфликты протекали на фоне перемен, связанных с «чистками». Конечно, в сравнении с такими смертельно опасными для историков проектами, как «Летопись событий Великой Октябрьской революции и гражданской войны», работа над «Всемирной историей», тем более над томами по древности, была сравнительно спокойным прибежищем, но раскаты громов доносились и сюда — ведь переформатирование касалось всего

¹⁴ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 13. Л. 106. Речь идет об оплате договорных научно-исследовательских работ.

¹⁵ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26.

¹⁶ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26. Л. 1—1 об.

¹⁷ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26. Л. 50—63.

¹⁸ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26. Л. 60.

¹⁹ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 26. Л. 61.

Института истории. Стенограммы заседаний в самом Институте истории были уничтожены, однако сохранившаяся стенограмма заседания Совета Отделения общественных наук АН СССР от 3 октября 1937 г. полна обвинений руководства и взаимных обвинений сотрудников института в самый разгар «большого террора»:

Бушуев. А то ведь смотрите, что получилось. Был Ванаг, был Пионтовский, вредители, так или иначе имевшие отношение к кабинету, и к журналу, и к сектору истории СССР. Затем Ионнисиан²⁰, — одна группа активных вредителей сменилась более активной и деятельность их расширялась. Потом был Кретов — прожекторство, граничившее с вредительством... У нас получилось очень большое «наследство», которое корчевать и корчевать...

Акад. А.М. Деборин. ...Положение в Институте истории и на сегодняшний день остается серьезным... Мы имеем 120 человек и не можем их рассадить так, чтобы они работали.

Шарова. Когда Институт без головы, то так и получается, кто в лес, кто по дрова.

На попытку академика-секретаря Отделения общественных наук как-то урезонить нового секретаря парткома института И.А. Шарову словами о том, что вредители были и в самом секторе истории народов СССР и что сама она также входила во все комиссии, был дан жесткий ответ:

Шарова. И в Дирекции сидели [вредители. — С.К., С.К.].

Деборин. И в Дирекции сидели, и «руководили» Институтом, т.е. вели вредительскую работу. Но ведь объясняется это еще и нашей расхлябанностью, неорганизованностью, отсутствием настоящей коллективной работы в Институте, и т.д. Ведь мы с каждой работой делаем так, — я не знаю, насколько это тоже правильно: посадили такого-то сюда, другого — сюда, а затем им предоставляют полную свободу действий, никакого контроля нет, и, конечно, затем, через некоторое время: ага, вот провал, вот несчастье случилось²¹.

Все эти вопросы занимали львиную долю обсуждений на раннем этапе. При этом конкретика (содержание томов) затрагивалась очень слабо и почти случайно. Это производило специфический эффект, знакомый всем, кто наблюдал советскую систему в действии: заранее рапортовалось о высокой степени готовности запланированных работ, при этом доведении до окончательного варианта всегда мешали какие-либо «мелкие вопросы», решение которых могло переноситься вновь и вновь.

Обращает на себя внимание то, что участники заседаний либо плохо условились о терминах, либо, как минимум в части случаев, не были заинтересованы в том, чтобы их прояснить, и общее понятие «готовности» использовалось часто без того, чтобы его нормально раскрыть²². Оказывается, на

²⁰ Так в тексте. Речь идёт об А.Г. Иоаннисиане (1887–1974) — историке Армении, с 1934 г. члене правления ГАИМК, с июня 1936 г. заместителе директора Института истории АН СССР. Арестован в 1937 г., освобождён из лагеря в 1943 г.

²¹ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 53 об. — 58.

²² Показателен пример работы над другим коллективным трудом, которая, естественно, протекала параллельно (еще одна черта советской системы планирования). На заседании 28 января 1941 г. С.А. Жебелёв сообщил: «Сборник под названием “Очерки античной культуры Северного Причерноморья”, в сущности, уже готов». Затем он добавил слова, которые фактически пошагово дезавуируют это утверждение: «Остается подождать двух статей... Когда я уезжал [из Ленинграда на совещание в Москву — С.К., С.К.], я просил сделать подбор рисунков и т.д. ... Думаю, что в марте месяце мы сдадим этот сборник в печать...». Ниже выступающий уточнил, что М.И. Артамонов до сих пор не предоставил не *статью*, а «большую главу» в 4 листа.

этой стадии под готовностью тома понимался сам факт сбора материала ото всех авторов, что хорошо свидетельствует, насколько малое значение первоначально придавалось редактированию, которое нередко становилось гораздо более сложной задачей — из-за несовпадения мнения редактора с мнением автора или с мнением другого редактора. То есть заседания по факту несли несколько функций: решали общие вопросы финансирования и ли-стажа, определяли степень ответственности участников и минимизировали конфликты между ними, пытались контролировать сроки и дополнительно воздействовать на исполнителей с помощью увещаний.

В 1939 г. в полной мере проявилась главная организационная проблема «Всемирной истории»: штатные сотрудники Института истории не могли «закрыть» все необходимые темы. А если могли, то не хотели: это была сверхнормативная нагрузка, за которую им, в отличие от «внешних» авторов, не платили. Но требовались деньги и на оплату договорных работ (изначально авторам предлагали по 800 руб. за печатный лист²³), а их у Академии Наук не было. Панические нотки заметны в письме в Президиум АН СССР, подписанном директором института Б.Д. Грековым и ученым секретарем А.Л. Сидоровым:

Институт поставлен в безвыходное положение в связи с полным прекращением финансирования договорных работ. Дирекция Института является банкротом в глазах авторов, которые пишут по договорам для «Всемирной истории» и «Истории СССР». Такая недопустимая практика со стороны Управления делами, нарушающая прямые директивы Президиума, разрушает с таким трудом налаженную работу в Институте. Если Президиум не даст немедленных указаний о выплате просимых дирекцией средств по договорам, то Институт вынужден будет пересмотреть весь годовой план работы, а сотрудники вынуждены будут обратиться в суд о взыскании причитающихся им по договору сумм²⁴.

Но глас руководства Института истории был воистину гласом вопиющего в пустыне. Вот что сообщал помощник директора Блинов о взаимоотношениях Института с издательством Академии Наук в письме академику секретарю Отделения истории и философии Деборину 13 апреля 1939 г.:

Институт истории писал уже Вам от 13 марта 1939 г. о ненормальных отношениях с Издательством Академии Наук. По существующему положению 1938 г. за рукописи, сдаваемые Институтом истории, издательство не только не платит авторского гонорара, но и не заключает договоров на издание соответствующих произведений... Тем же положением предусмотрена оплата только капитальных работ. Такой капитальной работой мы считаем многотомники: «Историю СССР» и «Всемирную историю»²⁵.

Наконец, Институт истории «получил исполнительный лист по делу 3—2275 Народного суда I участка Василеостровского района г. Ленинграда

То есть, сознательно или нет, но выступление выстроено таким образом, что самые серьезные проблемы упомянуты в конце — так, словно они второстепенные (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1941). Д. 2. Л. 1). Маловероятно, чтобы такой опытный редактор, как Жебелёв, делал это по рассеянности или некомпетентности: скорее всего он сознательно смещал акценты.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1571.

²⁴ АРАН. Ф.457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 59—59 об.

²⁵ АРАН. Ф.457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 116.

от 4 апреля 1939 г. на сумму 3750 руб.». Институтское руководство при этом просило дать указания,

с кем мы должны заключить договор на «Историю СССР» и «Всемирную историю» (Соцэкгиз согласен заключить, но на это требуется разрешение Президиума Академии Наук).

Возникали и вопросы на перспективу:

Надо срочно решить вопрос об авторском праве: имеют ли право сотрудники получать и в каком размере гонорар при первом издании и переиздании, при условии, что сотрудник дал продукцию сверх нормы...²⁶

Совсем не удивительно, что в направленной в Госплан записке Институт истории, в числе других работ, просил перенести с 1939 на 1940 г. «Древний Восток» (60 л.) — второй том шеститомника по древней истории²⁷.

Тем временем нужно было хоть как-то отчитываться вышестоящим органам за задержанные «капитальные» труды, финансируемые из госбюджета. Был использован обычный в советской практике приём: отчитываться не запланированным, а тем, что выполнено (или близко к выполнению) на самом деле. Именно о подобном подходе свидетельствует письмо в Отделение истории и философии АН СССР — рапорт о выполнении Институту истории социалистических обязательств в связи с XVIII съездом партии от 23 марта 1939 г. Вот обязательства сектора истории древнего мира:

Важнейшее обязательство — закончить всю редакционную работу над университетским учебником по истории Греции Сергеева (сотрудника института)... Выполнено, учебник сдан в издательство «Соцэкгиз». Второе обязательство руководителя сектора т. Мишулина сводилось к тому, чтобы к партийному съезду выпустить номер журнала «Вестник древней истории». Журнал вышел и был представлен в киоске партийного съезда.

Третье обязательство — написать специальную главу о восстании рабов в учебник Сергеева:

Эта работа была выполнена лично тов. Мишулиным... Ряд индивидуальных обязательств сотрудников сектора сводится к представлению статей для «Всемирной истории»²⁸.

Итак, «Всемирная история» в виде индивидуальных обязательств по написанию отдельных глав, вряд ли представленных в окончательном виде, была отнесена в самый конец. Главное обязательство — сданный в издательство (и действительно вскоре вышедший) учебник Сергеева по истории древней Греции. И что-то должно было быть представлено «весомо, грубо, зримо»: для этого сгодился регулярный номер «Вестника древней истории», который делегаты съезда могли даже купить на память. Видимо, идея принадлежала самому А.В. Мишулину — зав. сектором древней истории и главному редактору ВДИ одновременно.

Но тома по древней истории нужно было писать. Фактическое руководство процессом переходит к А.В. Мишулину, который стал координировать деятельность академиков-древников. 27 марта 1939 г. было

²⁶ АРАН. Ф.457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 116–116 об.

²⁷ АРАН. Ф.457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 125.

²⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 96–96 об.

проведено заседание комиссии по установлению проблематики шеститомника. Характерно, что председательствовал Мишулин, членами комиссии числились Струве, Жебелёв, Тюменев (перечисленные именно в таком порядке)²⁹.

В итоге для лучшей организации работы были сформированы Главная редакция и бюро Главной редакции (во главе с акад. Волгиным). Главная редакция являлась автономным издательским подразделением, которому было проще коммуницировать и с неповоротливым издательством Академии Наук, и с неторопливыми секторами Института истории (и других институтов)³⁰.

Наконец, 27 мая 1939 г. руководство института пошло на нетривиальный ход по привлечению самого авторитетного юриста-силовика к работе над проектом и отправило в Президиум АН СССР письмо следующего содержания:

Институт Истории Академии Наук СССР просит утвердить членом главной редакции «Всемирной истории» акад. А.Я. Вышинского, согласие которого имеется.

Директор Института акад. Греков Б.Д.
И.о. ученого секретаря Шунков В.И.³¹

Так постепенно проект стал обретать реальные очертания. Впрочем, насколько расходились представления руководства института и представления издательских работников о готовности рукописи, показывает письмо из Издательства АН СССР по поводу якобы сданного в готовом виде тома «Всемирной истории» по французской революции³².

К концу 1939 г. В.П. Волгин формулирует главные организационные проблемы: у редакции проекта нет помещения (помещений Института истории не хватает самому Институту), работа сотрудников АН по написанию глав не оплачивается и делается параллельно основной работе в Академии, нет штатов для редколлегии и специальных ассигнований на все это. Волгин полагал необходимым ввести оплату всем авторам «Всемирной истории» (вне зависимости от того, состоят ли они в штате АН СССР) и запрашивал следующие штаты: «ответственный секретарь — 1, заведующий редакцией — 1, помощников редактора — 2, литературных редакторов — 2, технических секретарей — 2, машинисток — 2»³³.

«Москвичи» и «ленинградцы»: условность и реальность разделения

Общие условия существования советской науки подводят ко вполне логичному предположению о том, что наиболее естественной формой организации любой сферы деятельности здесь должен быть моноцентризм, и иногда авторы, осмысливая в том числе и собственный опыт, полагали, что и для власти, и для ученых было естественным видеть во главе каждой

²⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 105—106.

³⁰ Проект «Положения об организации работы по изданию “Всемирной истории”» хранится в фонде Рановича в ИРИ РАН, он пронумерован как Л. 107—111. К сожалению, документ не датирован.

³¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 153.

³² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 7. Л. 211.

³³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1939). Д. 8. Л. 30.

сферы деятельности какого-либо «вождя»³⁴. Мы не можем утверждать, что такая установка была единственно возможной и предпочтительной для управленцев сталинского времени, но, если обращаться к нашему конкретному примеру, она в любом случае оказывалась непростой для реализации. Крупный коллективный проект затрагивал интересы многих игроков, на кону стояли влияние в науке и вопросы заработка, так что вскоре все слабые звенья проявили себя.

Для древней истории одним из таких «слабых звеньев» в монолите формально наступившего советского единомыслия было расхождение между Москвой и Ленинградом. Как столица, Москва концентрировала основное начальство, здесь издавался «Вестник древней истории» и начиналась активная подготовка кадров на кафедре истории древнего мира МГУ. Ленинград же по-прежнему доминировал по языковой подготовке (особенно в сфере восточных языков) и «старым специалистам» — учитывая указанное выше невнимание государства к истории в первые полтора десятилетия советской власти. Все три академика по древней истории жили и работали в Ленинграде, и у Москвы не было шансов преодолеть этот перевес вскоре после перевода Президиума АН СССР в Москву. Правда, сложно говорить о том, что речь шла о некоем принципиальном противостоянии именно «москвичей» и «ленинградцев», скорее об использовании этого фактора в своих интересах рядом участников.

Так, В.В. Струве последовательно использовал тот факт, что большинство совещаний проходило в Москве, для того чтобы в той или иной мере замедлить процесс подготовки тома по Древнему Востоку. Конечно, напрямую наши источники об этом не говорят, но можно указать на несколько характерных свидетельств. На заседании 13 января 1937 г. акад. Лукин отмечал: «Очень жаль, что здесь не присутствует акад. Струве...»³⁵.

В 1937 г. главной проблемой Института истории было именно директорство Н.М. Лукина, близко связанного с Бухариным. На смене директора настаивало партийное руководство института, и, возможно, Струве рассматривался как предпочтительный вариант такой замены. Во всяком случае, в иерархически построенном списке членов Ученого совета института (после 1 июня 1937 г.) его фамилия следовала за фамилией директора и предшествовала фамилии Б.Д. Грекова: «Председатель акад. Н.М. Лукин, входят акад. Струве В.В., Греков Б.Д. [и др.]»³⁶.

Мы не знаем, почему предпочтение было отдано другому ленинградцу, Б.Д. Грекову; возможно, Струве не хотел покидать Ленинград. Если в конце 1937 г. он еще появился на нескольких заседаниях, то в 1938 г. снова начались пропуски. В апреле 1938 г., когда проходил ряд важных заседаний, Струве проигнорировал их все, в том числе и то, где был анонсировано его выступление:

Б.Д. Греков. Я кратко сообщу. Докладчиком должен был быть В.В. Струве, но он по болезни не явился³⁷.

³⁴ Diakonoff 1995, 316, n. 2.

³⁵ АРАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 18. Л. 42.

³⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 1. Л. 2 (рукоп.) = Л. 3 (машин.).

³⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 3. Л. 41. Ср.: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2 (протоколы заседаний Ученого совета за 1938 г.). Л. 5: судя по разосланной 2 февраля 1938 г.

Струве начнет появляться на заседаниях лишь с октября 1938 г., когда уже поменялись основные организаторы процесса (теперь это были Жебелёв, Мишулин, Сергеев), которые, впрочем, фактически не могли повлиять на позиции Струве в плане контроля над созданием II тома. В дальнейшем он фигурирует на наиболее значимых заседаниях Ученого совета Института истории, как, например, на заседании от 23 апреля 1940 г. с повесткой «о кандидатах на стипендии имени тов. Сталина»³⁸. Впрочем, это было уже время суровой борьбы с прогулами и опозданиями. От отсутствовавших членов Ученого совета требовали объяснительные записки. Несколько таких записок отсутствовавших на заседании 10 мая 1940 г. сохранились в деле³⁹.

Так или иначе, очень медленный старт подготовки томов в 1937–1938 гг. должен был подтолкнуть руководство АН СССР к большей централизации процесса работы, которая выразилась в увеличении роли московских историков. Способствовало этому и то, что Ленинград выглядел гораздо более скомпрометированным на фоне реорганизации ГАИМК, которая в середине 1937 перестала существовать как отдельное учреждение. Более того, тогда же была поставлена под сомнение и необходимость существования Ленинградского отделения Института истории; хотя к концу года опасность расформирования миновала, но, в общем и целом, центр принятия решений перемещался в Москву.

В явочном листе членов Ученого совета от 19 июля 1938 г., наряду с А.И. Тюменевым, появляется А.В. Мишулин⁴⁰. Одновременно в ВДИ выходит редакционная статья А.В. Мишулина «За передовую науку по древней истории. К построению марксистской “Истории древнего мира” АН СССР»⁴¹, которая публикуется после речи (в действительности, тостов) Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.⁴² И речь, и, возможно, передовая статья были вставлены в последний момент: номер был подписан в печать 20 апреля, сдан в набор — 18 июля 1938 г.

Таким образом, инициатива в подготовке томов по древности переходит к московскому сектору. Уже 9 сентября 1938 г. на заседании бригады по обсуждению основной тематики Института истории АН СССР Н.А. Машкин сообщает о распределении ответственных за тома по древней истории: Восток — Струве, Греция — Тюменев, эллинизм — Жебелёв, Рим — Сергеев. Сдача большинства глав была намечена на 1 января 1940 г.⁴³ — срок, который выражает большой оптимизм участников заседания.

На заседании Ученого совета 10 мая 1939 г. была утверждена редакторская тройка по истории древнего мира в составе акад. Струве, Мишулина и акад. Жебелёва. Как отметил Мишулин, «эта тройка... представляет собой общую

повестке этого заседания, отчет о работе сектора древней истории должен был делать акад. В.В. Струве (но он его не сделал). Л. 19: протокол заседания Ученого совета от 10 апреля 1938 г. Присутствовал акад. Греков и другие. Струве не было, хотя первым вопросом в повестке стоял именно вопрос о тридцатитомнике «Всемирной истории».

³⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 33. Л. 9, 20, 21.

³⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 33. Л. 27–30.

⁴⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

⁴¹ Mishulin 1938.

⁴² Stalin 1938.

⁴³ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 66. Л. 37–38 об.

редакцию по всему шеститомнику по древней истории»⁴⁴. Она была дополнена М.И. Артамоновым как представителем ИИМКа, который отвечал за I-й том. Однако предложение Струве назначить Артамонова председателем Главной редакции вызвало возражения Мишулина и не прошло⁴⁵.

От «москвичей» том по Востоку курировал А.Б. Ранович, выступавший его фактическим редактором. Как говорил В.В. Струве на том же заседании: «Помощниками моими фактически являются уже в Ленинграде М.А. Коростовцев, в Москве — проф. Ранович»⁴⁶. Тон высказывания выглядит мирным, но реальность совместной работы была несколько иной. Ранович взялся за дело энергично, однако попал в конфликт вокруг главы Перепёлкина об Эхнатоне — события достигли кульминации в апреле—мае 1941 г. Перепёлкин, передавая свои претензии через Коростовцева, заявил, что не согласен с выводами, которые были дописаны в главу за него, и на этом основании просил снять свое имя с авторства, а также изъять из главы все данные эпиграфики, которые должны были оказаться в подготавливаемой им монографии, «ибо потом придется доказывать, что они в монографии фигурировали раньше, чем в анонимной главе»⁴⁷. Что примечательно, Перепёлкин настаивал на том, что выводы сделать пока и невозможно, поскольку материал источников целиком еще не обработан.

После этого между Рановичем и Коростовцевым состоялась интенсивная и в некотором роде занимательная переписка, в ходе которой оба обвинили друг друга в отходе от марксизма. Ранович (судя по контексту ответных писем Коростовцева) апеллировал к тому, что выводы можно (и приходится) делать даже не имея полных результатов исследования, главное — методологическая правильность. Его оппонент, с использованием цитат из Маркса, Энгельса и Ленина, со ссылками на Сталина, указывал Рановичу на необходимость тщательной работы с фактами и отмечал, что если бы не обстоятельства (т.е. невыполненный план работ), то Ранович и сам бы встал на эту точку зрения.

Важным моментом в этой схватке было то, что Струве безоговорочно поддержал Перепёлкина и Коростовцева. Не будь так, обе стороны, надо полагать, нашли бы контуры компромиссного решения и не довели дела до вопросов борьбы за принципы, что заводило процесс в тупик. В итоге компромисс был найден только осенью 1941 г.: Ю.П. Францев должен был написать отдельную главу с выводами после главы Перепёлкина. Были и другие подобные эксцессы. Как писал Рановичу Н.А. Шолпо 10 декабря 1940 г.: «Надо сказать, что он [Струве — С.К., С.К.] как будто мало заинтересован в работе над II томом»⁴⁸. Заявление Деборина на заседании Отделения истории и философии АН СССР 28 января 1941 г. о том, что противоречия между Струве и Рановичем были устранены⁴⁹, как мы видим, относились скорее к сфере желаемого.

⁴⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 20. Л. 6–7.

⁴⁵ Там же. Л. 9–10.

⁴⁶ Там же. Л. 21.

⁴⁷ Klyuev, Metel' 2018, 57. Письмо М.А. Коростовцева А.Б. Рановичу от 26 апреля 1941 г.

⁴⁸ Klyuev, Metel' 2018, 168. Письмо Н.А. Шолпо А.Б. Рановичу от 10 декабря 1940 г.

⁴⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1941). Д. 2. Л. 130.

Как видно из вышесказанного, участие Струве в подготовке «Всемирной истории» включало и такой элемент, как более или менее сознательное сдерживание процесса. Чем это объясняется? Одно из наиболее очевидных объяснений — выход в 1941 г. университетского учебника «История древнего Востока», основным автором которого был он сам. Это был прошедший несколько стадий переработки курс лекций, который Струве в черновом варианте опубликовал ещё в 1934 г., затем частично в малотиражном варианте отдельных лекций для студентов ЛГУ, а позже выпустил в качестве тома древневосточной истории в проекте ГАИМК; наконец, он был доведен до сравнительно полноценного варианта в указанном издании. Это была серьезная задача для Струве, и он отдавал приоритет ей, причем нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что учебник очень хорошо оплачивался.

Однако не стоит сводить всю линию Струве лишь только к этому фактору. Ведь 1930-е годы были для него опытом интенсивного выпуска разного рода обобщающих работ, который он приобретал параллельно не менее активной работе с шумерскими источниками. Мы имеем основания думать, что он мог осознать, в том числе на личном примере, насколько ему и его коллегам элементарно не хватает самостоятельно проработанного материала для создания действительно фундаментального тома по древневосточной истории, который мог бы претендовать на нечто большее, чем еще один скороспелый труд. Эта работа, в отличие от учебника, требовала времени, и академик старался получить это время, используя для этого все имеющиеся обстоятельства.

Если бы возмущение начальства достигло некоей предельной точки, всегда был запасной план — представить уже готовые и несколько обработанные материалы, что демонстрируют слова Струве на заседании Ученого совета Института истории 10 мая 1939 г., который был посвящен обсуждению первого и второго томов «Всемирной истории»:

Из сорока глав II тома⁵⁰, который посвящен истории древнего Востока, представлено двадцать четыре. Остаются непредставленными на сегодняшний день шестнадцать глав. Из них 4 главы, которые должны быть представлены мною. Со мною было небольшое несчастье, — некоторая часть материала, написанного мною для этого тома, пропала. Это не является столь катастрофическим, потому что я с самого начала предвидел (sic!) и зная свою загруженность, взял на себя те главы, которые требуют минимальной переработки текстов, имеющихся в I томе ГАИМК-овского издания. Они требуют известной переработки и дополнений, что я и выполняю в течение июня. Что касается других глав, то они будут все готовы в течение мая. Это установлено протоколом по отношению к ленинградским авторам. Что касается неленинградских авторов, то их только два: проф. Авдиев и акад. Никольский⁵¹.

Правда, сразу после этого выступления выяснилось, что над подбором иллюстраций редколлегия даже не начинала работать. Тем самым ситуация, когда том был «почти» готов, тянулась несколько лет. Серьезная критика тома со стороны коллег, вроде отзывов Н.М. Никольского, вряд ли могла

⁵⁰ План томов по древней истории, опубликованный в 1938 г., уделял Древнему Востоку 38 глав, и ещё 13 глав «Древней Америке» (т.е. доколумбовым цивилизациям). Поскольку содержание глав по Америке было очень скудным, они были сведены в две главы, см.: Проект схемы многотомника всемирной истории. История древнего мира. Историк-марксист 3 (67), 1938, 170—189. С. 178—179.

⁵¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 20. Л. 20.

поколебать конструктивный настрой Струве, если бы таковой имелся в действительности. Мишулин уже по итогам работы в 1939 г. осознал, что фактически Струве ему неподсочтен, и даже пробовал сделать редактором тома Рановича⁵². В любом случае, судя по ходу работ, вряд ли том оказался бы в печати ранее 1942 г.

Второй серьезный конфликт в подготовке «древних» томов был связан с демаршем акад. А.И. Тюменева, который впервые обсуждался на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 28 октября 1938 г.⁵³ Б.Д. Греков и А.В. Мишулин попросили С.А. Жебелёва изложить суть дела:

С.А. Жебелев. До 20-го истекшего сентября никаких осложнений у нас по III тому «Всемирной истории», который охватывает всю историю Греции и эллинизма, не было. Редактором этого тома был акад. А.И. Тюменев, который в общей сложности должен был написать для этого тома главу в 13 листов. ... А.И. прислал секретарю ООН письмо, в котором он просит освободить его от редактирования этого тома и вообще от участия в нем, а в возмещение образовавшихся лакун он предлагает переработанное издание своих очерков по социально-экономической истории Греции, вышедших в свет в начале 20-х гг. ... Я был совершенно поражен, потому что я совершенно ничего не знал. Тогда я, конечно, стал думать о том, что могло привести А.И. к этому решению? ... На том совещании, которое у нас было устроено в 20-х числах сентября, А.И. возражал против участия в этом томе С.Я. Лурье, — хотя С.Я. Лурье был самим же А.И. Тюменевым приглашен для написания соответствующих глав... Он [Тюменев] предлагал отдел античной философии передать Дыннику, отдел Спарты — Бергеру. По этому вопросу возникла дискуссия, но никакого оскорбления А.И. Тюменеву мы не нанесли. ... Мы пришли к такому заключению, казалось бы, безобидному для той или другой стороны (Лурье там тоже присутствовал): просить А.И. Тюменева прочитать рукопись Лурье, уже готовую к печати, затем устроить по этому поводу дискуссию...⁵⁴

После этого Жебелёв сообщил, что, поскольку Лурье заболел суставным ревматизмом и лежал в больнице, дискуссию было решено не устраивать:

Вот, в сущности говоря, и весь инцидент. ... Найти авторов для 13 печатных листов, которые могли бы это выполнить, очень трудно, может быть, даже невозможно... Мы решили обратиться в Ученый Совет с просьбой, если он найдет возможным, поддержать наше ходатайство, нашу резолюцию о том, чтобы А.И. Тюменев взял свое заявление обратно, указавши ему на то, что он ставит Сектор в безвыходное положение. ... Он может, конечно, обработать второе издание своих очерков, но это будет дело личное, дело индивидуальное, а что касается участия в редактировании и написании глав, то это дело общественное. Мне кажется, что мы живем в такую эпоху, когда интересы общественные стоят выше интересов индивидуальных. Вот на этом следует настаивать⁵⁵.

По словам Б.Д. Грекова, А.И. Тюменев, не получив ответа от Отделения общественных наук, обратился в Институт истории с заявлением с просьбой

...заменить его работу редактора и автора вторым изданием его книжки, и в подкрепление своего желания прилагает еще медицинское свидетельство, что у него расстроена нервная система. Я показал этот документ А.В. Мишулину, мы обменялись с ним своими соображениями и решили, что нервная система у всех нас нельзя сказать, чтобы была крепкая, но

⁵² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 2. Л. 3.

⁵³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. См. также Karpyuk, Kulishova 2018.

⁵⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–2.

⁵⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 3–4.

что это не есть аргумент такой, какой дает основание избавить А.И. Тюменева от писания взятых им на себя глав⁵⁶.

Явно был раздосадован и А.В. Мишулин:

То, что случилось в ленинградской Группе в связи с работой по тому «История Греции», застает нас в самый разгар работы ... когда уже отдельные главы в следующем месяце уже будут поступать в редакцию... Как можно отказаться от написания тома по истории Греции и от редактирования, и в то же время считать себя достаточно здоровым, чтобы заниматься переизданием двух прежних его работ? ... Я думаю, что реальной подпочвой этого инцидента является то, что, видимо, наше издание истории древнего мира и, в частности, тома по истории Греции идет вразрез с общими устремлениями и желаниями А.И. Тюменева. Как известно, в самом начале еще, когда Сектор был в Ленинграде и когда им руководил враг народа [речь идет о находившемся под арестом С.И. Ковалеве. — С.К., С.К.], тогда там давались совершенно неправильные установки.

Второй причиной этого инцидента было, очевидно, несогласие его с тем, что для экономики отводится так мало места по истории Греции. В частной беседе я указал А.И. Тюменеву на то, что перед нами сейчас стоит большая задача овладения культурным наследием прошлого, задача марксистской обработки этого наследия. Так что и культурно-исторический материал должен быть поставлен на одно из центральных мест в Греции и что поменьше придется заниматься экономическими и социологическими рассуждениями⁵⁷.

Следует отметить, что сектор древней истории пошел навстречу Тюменеву и для главы Колобовой отвел не 2 л., а целых 5 л. Сначала том по Греции предполагался 80 л. по объему, потом по просьбе Тюменева довели его до 90 листов⁵⁸.

Мишулин также считал, что привлечение С.Я. Лурье, который, к слову, активно публиковался в ВДИ, к работе над «Всемирной историей» совершенно необходимо:

С.Я. Лурье известный специалист по истории древней Греции, он известен своими обширными познаниями, известен своими работами, но конечно, известен и некоторыми ошибками в применении марксистского метода, но я думаю, что возражения А.И. и его подход к Лурье совершенно неправильны. С.Я. Лурье является штатным сотрудником Института. Он работает в Институте и его нужно критиковать, конечно, в тех случаях, когда он неправильно подходит с марксистской позиции к тому или иному вопросу. Но А.И. позволил себе его критиковать раньше, чем увидел работу. Я не говорю о том, что С.Я. Лурье приглашен самим А.И. Тюменевым для работы по истории Греции и по этой линии А.И. Тюменев поступает совершенно непоследовательно.

Мишулин полагал, что нужно просить Тюменева возвратиться к работе:

его отказ действительно ставит нас не только в безвыходное, но в известной мере и в катастрофическое положение, потому что по данному тому А.И. значится не только в качестве редактора, но и автора 16 печ. листов...⁵⁹

Мишулин также поддержал решение, основанное на предложении Жебелёва: просить Тюменева взять свое заявление обратно и считать, что работа Тюменева, которую он собирается дать (т.е. переиздание) не равноценна его

⁵⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 4–5.

⁵⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 5–6.

⁵⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 6.

⁵⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.

плановой работе. В поддержку этого решения высказались также и академики В.В. Струве и Е.В. Тарле; последний, в частности, отметил, что книга Тюменева, на основе которой тот предлагает пополнить издание, уже в момент выхода была устаревшей:

Вполне согласен с тов. Мишулиным, что это издание [«Всемирная история». — С.К., С.К.] должно дать научную марксистскую переработку материалов всемирной истории и избавить нас от всяких пережитков вульгарного социологизирования, которое является карикатурой на марксизм⁶⁰.

Свет на причины поступка Тюменева несколько проливали выступления А.Л. Сидорова и С.А. Жебелёва.

Сидоров. Вполне согласен с предложением сектора и с предложением акад. Жебелёва. Акад. Тюменев приезжал сюда и выразил свое удивление тому факту, что президиум Академии Наук не включил его в число редакторов всего раздела по древней истории. Он считал себя несколько обиженным этим фактом.

Жебелёв. Дело заключается в том, что произошло некоторое изменение в составе редакции. До лета редактирование было предоставлено комиссии, и А.И. Тюменев против этого тогда несколько не протестовал. Предполагалось, что и том по древнему Востоку и том по истории Греции будет редактировать А.И. [Тюменев]... Затем произошло изменение. Редакция тома по Востоку, конечно, остается за В.В., редакция по тому, касающемуся Греции оставалась за А.И. Тюменевым, том по истории эллинизма поручено было редактировать не [пропуск в тексте. — С.К., С.К.], а мне. Все это было известно А.И. Тюменеву, и он на этом заседании присутствовал. Конечно, всю эту работу мы предполагали вести совместно и в нужных случаях советоваться друг с другом, созывать совещания и т.д. Никто не желал узурпировать чего-нибудь, да и это невозможно. Как может редактор истории эллинизма не считаться с тем, что исправляет [в] истории Греции, а редактор по истории Рима должен знать, что пишут по истории Греции. Все это тесно связано⁶¹.

В любом случае, было не слишком ясно, как решать проблему.

Жебелёв. Я только ходатайствовал бы о том, чтобы первым шагом было обращение к А.И. Тюменеву с просьбой взять свое заявление обратно...

Струве. Я боюсь, что если только мы напишем письмо, то А.И. Тюменев — человек достаточно крепкий и его этим не убедишь. Нужно поговорить с ним по душам и может быть Б.Д. Греков со свойственной ему ясностью сумеет это сделать. Нужно просить и С.А. Жебелёва поговорить с ним, и тогда, может быть, это дело будет ликвидировано.

Жебелёв. Я от себя это дело отметаю — убеждать или переубеждать. Согласитесь сами, что было бы гораздо проще, — А.И. у меня лекции слушал, — просто-напросто прийти ко мне и сказать, что вот то-то и то-то создалось. А я узнал об этом инциденте только от Б.Д. после того, как Б.Д. получил эту бумагу.

Греков. Мы сформулируем так, что Ученый Совет считает, что нужно пригласить А.И. Тюменева для личного собеседования с ним по этому вопросу и прибавляет просьбу, чтобы он взял свое заявление обратно⁶².

В результате, согласно протоколу заседания Ученого совета от 10 ноября 1938 г., редакторские обязанности Тюменева (с согласия В.В. Струве) были распределены между Жебелёвым, Мишулиным и Сергеевым⁶³.

Выступление Тюменева отличается от тактики Струве — он пошел на прямой конфликт, который менее приемлем в научной среде (отсюда крайнее

⁶⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 8.

⁶¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 9–10.

⁶² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 10–12.

⁶³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.

разочарование участников заседания и попытки возвратиться к status quo ante bellum), но главное, что для этого у него должна была быть серьезная мотивация, раскрыть которую не так просто, ввиду того что его позиция излагается из вторых уст. Тем не менее некоторые моменты нам кажется важным подчеркнуть.

Прежде всего непонятно, почему фигура С.Я. Лурье, ранее для Тюменева подходящая, теперь оказалась настолько раздражающей, что Тюменев готов был сам устраниваться от работы над томами. Второй момент: в чем суть претензий на заведование всеми томами по древности, если Тюменев и так контролировал греческую часть, а его участие в разработке общей концепции никем не оспаривалось?

Мы можем предположить, что речь могла идти о достаточно смелых (хотя вряд ли реалистичных) видах на то, чтобы контролировать содержание всех томов по древней истории, а не просто организовывать ход работ. Мы знаем, что Тюменев испытывал большой скепсис к «струвианской» трактовке восточного общества, и его желание стать «главным по древности» может объясняться расчетом на то, чтобы получить право редактировать и II том в нужном ему духе. При этом Тюменев понимал и сам замысел «советской Weltgeschichte» как прежде всего набор экономических очерков — этим можно объяснить его недовольство вкладом С.Я. Лурье, который иначе смотрел на историю культуры. Чтобы осуществить эти планы, Тюменеву требовались гораздо большие полномочия, и он постарался их получить, расширенно трактуя изначальные договоренности о правах редакторов. Когда стало ясно, что руководство Института истории АН СССР не пойдет на то, чтобы, например, поставить Струве в подчиненное положение, а подход Лурье воспринимается как вполне приемлемый из-за установки ЦК ВКП(б) на конкретику в истории, интерес Тюменева к проекту резко упал.

Зато и руководству АН СССР стало ясно в результате такого рода происшествий, что «диархия» не будет работать, так что центр подготовки томов по древности следует окончательно перенести в Москву. Мишулин, Ранович, Сергеев казались настроенными более конструктивно, чем Тюменев и Струве. Чтобы организовать работу ленинградцев, ставка была сделана на более ответственную и при этом компромиссную фигуру Жебелёва⁶⁴. По крайней мере, после войны одна из корреспонденток Рановича указывала на то, что при Жебелёве в работе над «Всемирной историей» разделение на москвичей и ленинградцев было забыто⁶⁵. Утверждение, конечно, не бесспорное, если учитывать, что 30 ноября 1940 г. на торжественной сессии Отделения истории и философии, посвященной 45-летию со дня смерти Энгельса, Тюменев и Струве резко упрекали Мишулина в ревизионизме по вопросу о гомеровском обществе. Спор тогда постарался притушить Деборин⁶⁶. Но тот факт, что Жебелёв, как и Деборин, транслировал установку на компромисс, можно считать доказанным. Например, он смог до известной степени ограничивать деструктивные инициативы Струве: когда в феврале 1939 г. редактор «восточного» тома предложил обратиться в дирекцию с предложением увеличить

⁶⁴ См. подробнее: Karpyuk, Kulishova 2018. Жебелёв продолжал редактировать III том «Всемирной истории» в Ленинграде в первые месяцы войны. См. Kol'tsov 2000, 367.

⁶⁵ Klyuev, Metel' 2018, 30. Письмо А.И. Болтуновой (Амиранашвили) А.Б. Рановичу от 8 сентября 1945 г.

⁶⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 33. Л. 57–59.

листаж тома в связи с тем, что Ю.Я. Перепёлкин написал намного больше указанного в договоре (речь шла, конечно, и об оплате этих дополнительных листов), Жебелёв настоял на том, чтобы вопрос этот перед дирекцией не поднимать — если Струве хочет оставить главу Перепёлкина большой, пусть делает это за счет сокращения других глав того же тома⁶⁷.

Можно сказать, что после многочисленных проб и ошибок были найдены пути, позволившие постепенно добиться в деле создания томов по древней истории очевидного прогресса. Естественная в условиях того времени потребность в централизации привела к созданию «единой команды» А.В. Мишулина, А.Б. Рановича и С.А. Жебелёва: управленческие функции были сосредоточены в Москве, а контроль за научным редактированием томов по древности был передан всеми уважаемому ленинградскому академику. Полностью жизнеспособность новой модели проверить не удалось — началась война.

Литература / References

- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*The Book of Memories*]. Saint Petersburg.
Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018: [Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: Short-hand record of the academic meeting in Tashkent, January 31, 1942]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/1, 88–112.
Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ* 78/1, 88–112.
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [*Abram B. Ranovich: Documents and Materials*]. Omsk.
Клюев, А.В., Метель О.В. (сост.), *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Kol'tsov, A.V. 2000: ["I will not forget what I experienced during the past month" (Note by Academician S.A. Zhebelev about the failed "evacuation" from Leningrad)]. In: *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov*. Vyp. 2 [*Actors of Russian Science of the 19th–20th Centuries*. Issue 2]. Saint Petersburg, 349–370.
Кольцов, А.В. «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (Записка академика С.А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда). В кн.: *Деятели русской науки XIX–XX веков*. Вып. 2. СПб., 349–370.
- Krikh, S.B. 2016: [Between revolution and war: Soviet historiography of antiquity and external factors]. In: *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'*. *Sbornik statey*. Vyp. 2. [*Social Institutions in History: Retrospection and Reality. Collection of Papers*. Issue 2]. Omsk, 229–240.
Крих, С.Б. Между революцией и войной: советская историография древности и внешние факторы. В кн.: *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Сборник статей*. Вып. 2. Омск, 229–240.
- Krikh, S.B. 2017: [The phenomenon of periphery in Soviet historiography]. *Voprosy istorii* [*Problems of History*] 10, 164–169.
Крих, С.Б. Феномен периферийности в советской историографии. *Вопросы истории* 10, 164–169.
- Mishulin, A.V. 1938: [For advanced science in ancient history. To the structure of the Marxist "History of the Ancient World" of the Academy of Sciences of the USSR]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 5–17.
Мишулин, А.В. За передовую науку по древней истории. К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР. *ВДИ* 2, 5–17.
- Stalin, I.V. 1938: [Comrade Stalin's speech at the reception in the Kremlin of workers in higher education on May 17, 1938.]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–4.
Сталин, И.В. Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. *ВДИ* 2, 3–4.

⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1599. Л. 10